любовь к нагромождению эпитетов, синонимов, усиливающих впечатление. Уже в начале текста у него появляются замысловатые эпитеты, вроде «преизпрещренный», «сладкоперистый», «громковоспеваемый» и т. д., даже обычное имя кур сопровождается славянским пояснением — петел. Похвала курову голосу принимает явно гиперболический вид: от него «беси опровергаются, а еретики исчезают, небо и земля радуются и веселятся, реки восплещут, горы возыграют». Кур отвечает в таком же приподнятом тоне: таких «прелесных словес», как от лисицы, он не слыхал «от отца, деда и прадеда своих»; к обычному «возопил великим гласом» наш редактор для усиления добавляет: «закрычал, закултыхал»; лисица наделяет кура подряд следующими эпитетами: «блудник бл...н сын, вор, мошенник, плут, разбойник, супостат и разоритель мой». В связи с общим стремлением несколько приподнять речь, добавляется ряд длинных цитат из св. писания.

В этом же тексте наблюдаются следы как бы вторичных добавлений из басен. Новая деталь в речи кура, оправдывающего свое многожество, — «много жен содержал, чтобы более у мене детей плодилося и множилося и пищею нами и детми моими и яицы люди доволствовались неоскудно» — напоминает в басне «о коте и алектрионе» (перевод Гозвинского) слова петуха по тому же поводу: «и сие на ползу своим господием и владыкам творити глаголаше, и ради сего многия яицы рôдятся». В XVIII в. эту басню знали не только по первому переводу Гозвинского, но и по сборнику «Зрелище жития человеческого», переведенному в 1674 г. (см. ркп. Гос. Публ. Библ. Софийск. 1496, л. 40 об.). Другая новая деталь, вошедшая в данный список повести, сближает ее с басней «Тати и петел», известной в переводе басен Эзопа 1700 г. Восхваляя голос кура, лисица говорит в этом варианте повести: «воры и мошенники трепетны бывают и велми ужасаются, чтобы им пойманным не быти, и в твое куроглашение от воровства устраняются» — в соответствии с названной басней, где воры уносят кура и ставят ему в вину то, что он мешал воровать. Для XVIII в. такое хорошее знакомство с баснями засвидетельствовано переделками их сюжетов в рифмованные жарты,[1] воспоминаниями современников, которые указывают на басни Эзопа, как на учебную книгу, применявшуюся при преподавании французского языка.[2]

В противоположность всему тексту повести, значительно олитературенному в данном списке, конец, где добавлен совершенно новый эпизод,

[1] В. Адрианова-Перетц. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в. Изв. РЯС, 1930, кн. II.

[2] Записки А. Т. Болотова, т. I, СПб. 1875, стр. 110.